

LANA WILLIAMS

The
Ravenkeeper's
Daughter

ЛАНА УИЛЬЯМС

ДОЧЬ
СМОТРИТЕЛЯ
ВОРОНОВ

INSPIRIA

МОСКВА

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
У36

Lana Williams
THE RAVENKEEPER'S DAUGHTER
Copyright © 2024 by Lana Williams
All rights reserved.

Перевод с английского *Олега Алякринского*

Уильямс, Лана.

У36 **Дочь смотрителя воронов / Лана Уильямс ; [перевод с английского О. Алякринского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Ток. Туман над Скотланд-Ярдом).**

ISBN 978-5-04-236074-9

Лондон, 1883 год. В густом тумане у стен Тауэра жестоко убит смотритель воронов Эйберфорт Притчард — человек, посвятивший жизнь птицам, от которых, согласно легенде, зависит судьба британской короны. Свидетельницей убийства становится его маленькая дочь Мэйв, которая словно испарилась в ночном Лондоне.

Расследовать дело берется инспектор Скотланд-Ярда Генри Филд, стремящийся восстановить репутацию после недавнего провала. Но чем глубже он погружается в обстоятельства смерти смотрителя воронов, тем яснее становится: Притчарду было что рассказать перед смертью...

Спустя несколько часов Мэйв появляется на пороге дома молодой вдовы Амелии Грейстоун — женщины с необычным увлечением токсикологией, потерявшей мужа и дочь. Амелии и Генри предстоит объединить усилия, чтобы раскрыть преступление и спасти ребенка. Однако есть одно «но»: Мэйв глухонемая и не может рассказать, кто убил ее отца...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-236074-9

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лондон, 1883 год

Сердце Эйберфорта Притчарда бешено колотилось о ребра, и он высоко поднял фонарь, чтобы рассеять жутковатую ночную мглу. С немалой тревогой он огляделся вокруг.

Бартрам выбрал весьма неподходящее время, чтобы улететь. От Темзы, словно призрачный саван, поднимался туман, отбрасывая этим холодным октябрьским вечером причудливые тени на стенах и дорожках Лондонского Тауэра. Густые клочья тумана плескались перед длинными полами куртки, которые хлопали его по ногам, словно протестуя против его быстрых шагов.

Крепче сжав фонарь, Эйберфорт устремил взгляд на высящиеся прямо перед ним ворота Средней башни, опасаясь, что она вот-вот исчезнет в тумане. То, что должно было показаться знакомым, таковым отнюдь не казалось. Даже воздух в этот морозный вечер пах странно — как влажная, солоноватая смесь серы и сажки.

— Проклятые вороны, — пробормотал он и, приблизившись к воротам, достал из кармана связку ста-

рых железных ключей. — Никогда не остаются там, где им положено находиться. Выдергивают меня из уютной теплой постели!

При этих словах изо рта у него вырвались облачка пара. Он не мог понять, говорил ли он это для того, чтобы успокоить себя или чтобы отогнать прочь беспокойных духов в этот темный поздний вечер. Мало кто стал бы спорить с тем, что в Тауэре не обитало ни одно, а то и два привидения. Он, разумеется, не стал бы. Эйберфорт был суеверным человеком, несмотря на свои сорок семь лет — или, возможно, благодаря им. Йомен-стражник, прослуживший четверть века в армии и продолжающий службу в качестве стражника Тауэра, не должен бояться темноты.

Но события этого вечера выбили его из колеи. Он успокаивал себя, внушая, что тревожиться не о чем. Он намеревался, как и всегда, сохранять самообладание. Маленькая дочка, которой было всего семь лет, ждала в его личной резиденции на противоположной стороне Лужайки¹. После того как малютка потеряла мать, умершую при родах, он оставался в ее жизни единственным близким человеком. Он надеялся, что Мэйв безмятежно лежала в кроватке, где он оставил ее крепко спящей.

Если бы только этот проклятый ворон поступил так же. Бартрам был своего рода бунтарем и, как на грех,

¹ Покрытая травой площадка перед Тауэром (Тауэр-Грин), где обычно прогуливаются вороны. Некогда там проводились казни государственных преступников. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

слишком уж умен. Ава, его подруга, устроила переполох, что и побудило ворона улететь.

Эйберфорт проснулся, чтобы разобраться. Аве не нравилось, когда Бартрама не было дома по ночам, и она позаботилась о том, чтобы Эйберфорт знал об этом. В последнее время кто-то вмешивался в дела его подопечных, и у него возникли подозрения относительно того, кто и почему.

Охранять воронов Тауэра было нелегкой задачей. Черные птицы отличались недюжинным умом и своеобразием. Не всем йоменам-стражникам нравились эти птицы, но Эйберфорту хотелось верить, что вороны уважают его так же, как он их. Только сегодня утром Ава принесла ему крысиный хвост. Что это, если не знак привязанности? Вороны хорошо разбирались в людях и не любили некоторых. Незнакомцев просто терпеть не могли, когда те смотрели им в глаза. Не дай бог, чтобы птицы почувствовали человеческий страх. Их укусы были сильными, и Эйберфорт получил немало шрамов в те моменты, когда не обращал на них внимания.

Легенда гласила, что Карл II издал указ, согласно которому в Тауэре всегда должно обитать не менее шести воронов, иначе корона падет, а вместе с ней и Англия. Бартрам был одним из этих шестерых, поэтому Эйберфорт и пустился его искать. Ночь была опасной порой для воронов. Именно в это время они могли больше всего пострадать от коварных лисиц и подобных им хищников. В темноте было чертовски трудно найти черную птицу. Воронам по обычаю подрезали крылья, но это не означало, что они не будут слонять-

ся по окрестностям, когда у них возникнет такое желание.

Он уже обыскал Лужайку перед Тауэром, но безрезультатно. Времени у него было в обрез, так как туман скоро поднимется настолько высоко, что скроет полную луну, лишив его возможности найти Бартрама прежде, чем это сделает лисица.

Эйберфорт отпер железную калитку и, оставив ее открытой, проскользнул внутрь. Хотелось бы надеяться, что вскоре он вернется вместе с Бартрамом. Эта птица уже несколько раз сбегала. Дважды Эйберфорт находил ворона на берегу Темзы, где прилив, как правило, выбрасывал на берег разнообразный мусор, остававшийся там лежать. Бартрам, как и большинство воронов, обожал блестящие предметы, которые были бы отлично видны, покуда на землю не опустился бы туман.

Легкое покачивание горящего фонаря придавало Эйберфорту уверенности, когда он шагал по дорожке и спускался по скользким ступеням к реке. Он старался не упасть и упустил из виду тени, которые подкрадывались к нему, как только он отводил взгляд. По мере приближения к реке запах воды становился все сильнее. Осталось пройти еще совсем немного.

Он лишь надеялся, что маленькая Мэйв не проснется в его отсутствие. Мысли о ней ускорили его шаг, и он быстро достиг кромки воды. В спешке он почти не услышал приглушенный голос, донесшийся сверху.

— Она приедет поездом.

Эйберфорт остановился, вздрогнув от голоса, который отвлек его от размышлений.

— И что дальше? — спросил другой мужской голос.

Эйберфорт опустил фонарь, осознав, что беседующие мужчины находятся на дорожке над ним. Он бы столкнулся с ними, если бы не спускался к реке по ступенькам.

К сожалению, осознание того, что не он один вышел на воздух в столь поздний час, не принесло ему облегчения. Более того, по его коже пробежали мурашки. Он убеждал себя, что их разговор его не касается, но неприятный спазм внизу живота свидетельствовал об обратном.

— Карета доставит ее с вокзала во дворец.

Сердце Эйберфорта бешено колотилось: он понял, что речь шла о королеве, хотя и не мог объяснить причину своей тревоги, учитывая, как мало было сказано.

— Вот тогда мы и начнем действовать.

В приглушенном тоне говорившего слышалась неколебимая уверенность.

В темноте прозвучало воронье карканье, словно зловещий вестник рока. Должно быть, это закаркал Бартрам, но Эйберфорт не двинулся с места. Как он мог преследовать птицу, коли тут затевалось нечто мерзкое?

Долг требовал, чтобы он что-то предпринял. Но что? За последнюю неделю он дважды замечал возле Тауэра двух мужчин, и ему тогда не понравился их внешний вид, пускай один из них был хорошо одет и даже показался знакомым. Обрывки подслушанного разговора вызвали у него подозрения, и он задался вопросом, не были ли эти двое теми же самыми людьми.

Затевать драку с ними было слишком рискованно, ведь он был один, а их двое. Возможно, на лестнице их окажется еще больше. Он надеялся подойти к ним поближе, чтобы услышать, о чем они говорят, и попытаться разглядеть их, чтобы, возможно, позже опознать.

Он погасил фитиль в фонаре, после чего поставил его на землю и выпрямился в полный рост. Тут сказала его военная выучка. Стараясь быть незаметным, он вернулся к лестнице и поднялся наверх, держась ближе к стене. Сердце его глухо колотилось, колени подкашивались, как у испуганного ребенка.

Он напомним себе, что здесь, в крепости, за стенами Тауэра, находилось более сотни человек, тридцать шесть из них — солдаты. Но они с таким же успехом могли бы находиться за Каналом¹, и пользы от них было бы не больше.

— Я бы предпочел, чтобы нам не пришлось ускорять смерть ее величества.

В низком голосе мужчины слышался ирландский акцент.

— Болезненный конец послужил бы более четким сигналом.

— Только если вы возьмете на себя ответственность.

Мужчина усмехнулся, как будто пошутил.

— Когда придет время, мы расскажем всем, кто мы такие и за что боремся.

¹ Имеется в виду Английский канал, или пролив Ла-Манш, отделяющий Англию от Франции.

Треск ветки заставил Эйберфорта замереть. Но не он вызвал этот треск.

— Кто здесь?

Эйберфорт ждал, уверенный, что стук бешено колотящегося сердца выдаст его. Если бы он смог подойти немного ближе, то, возможно, сумел бы разглядеть мужчину, пока те были отвлечены посторонним звуком и тем, кто — или что — его произвел.

Необходимо было установить их личности.

Он снова стал красться вперед, шаг за шагом, пока его голова не оказалась на одном уровне с верхней ступенькой. Затем он выглянул из-за каменной колонны, отмечавшей начало лестницы.

Чья-то сильная рука схватила его за предплечье и протащила остаток пути вверх, что вызвало у него панику.

— Кто это у нас тут? Шпион?

Щегольская одежда мужчины выдавала в нем джентльмена, хотя его сила свидетельствовала о том, что он вел весьма деятельный образ жизни. Его говор был четким и лаконичным. В этом говоре угадывался выпускник Оксфорда. Эйберфорт узнал этого человека...

— Немедленно отпустите меня! — потребовал Эйберфорт, держа спину прямо, как солдат, кем он когда-то и был. Он сжал кулаки, изготовившись к драке.

— Боюсь, это невозможно!

К ним присоединился мужчина, говоривший с ирландским акцентом. В одной руке он сжимал нож, и его лезвие сверкало в тусклом лунном свете, быстро таявшем в тумане.

Эйберфорт с трудом сглотнул и постарался, чтобы гнев придал ему дополнительных сил.

— Я — йомен-стражник! Отойдите!

Ирландец усмехнулся, и его крайне неприятный смешок пробрал Эйберфорта до костей.

— Ну и что с того?

— Вы подслушали частный разговор!

Джентльмен покачал головой, в его голосе прозвучало вежливое сожаление.

— Мне жаль.

— Я ничего не слышал. Я ищу пропавшего ворона из Тауэра.

Эйберфорт попытался высвободить руку, но безуспешно.

— Отпустите меня, и я пойду своей дорогой.

— Ах, если бы только вам можно было поверить. На днях я видел, как вы околачивались около Тауэра. Вы и эти надоедливые вороны.

Джентльмен кивнул ирландцу, как бы давая ему разрешение продолжать.

Эйберфортом овладел панический страх, требуя от него каких-то действий. Он ударил ирландца свободной рукой в живот и высвободился. Он переместился, балансируя на носках, и со всей силы замахнулся в сторону ирландца, но смог лишь слегка задеть его челюсть. Он снова нанес удар, сражаясь так, словно от этого зависела его жизнь — потому как был уверен, что так оно и есть.

Первый удар ножом застал его врасплох. Лезвие прошло сквозь толстую ткань, как сквозь масло. Нож появился и исчез прежде, чем он что-либо почувство-

вал. От второго удара, а затем и от третьего у него перехватило дыхание. Он опустил взгляд и увидел, что лезвие по рукоять вошло ему в грудь, прежде чем нападавший успел его выдернуть. Возмущенный дерзостью нападавшего, Эйберфорт сильно ударил его по руке.

Хотя мужчина застонал от боли, лезвие сверкнуло снова. Затем еще раз.

Эйберфорт продолжал драться, но его ударам не хватало мощи, как будто силы у него были на исходе. Слабея, он впускал боль внутрь. Он уже не мог нормально дышать. То, что он считал мелкими уколами, горело так, будто эти ожоги оставил сам дьявол. Его зрение начало затуманиваться, все поплыло перед глазами. Туман ли это сгустился вокруг, или это было что-то гораздо хуже? У него подкосились ноги, и он упал на колени, изо всех сил стараясь не потерять сознания.

Затем его взгляд наткнулся на силуэт в белом на другой стороне дорожки.

Мэйв. О, Боже милостивый! Слезы наполнили его глаза, дыхание стало прерывистым, горячая кровь забурлила в глотке. Должно быть, она пришла его искать. Его милая маленькая дочка.

— *Беги*, — прошептал он одними губами, молясь, чтобы она услышала. Ее глаза округлились от ужаса, когда отца ударили еще раз и его тело дернулось от удара. Она сгорбилась, подняв плечики, и отступила в тень.

— *Беги!* — снова беззвучно крикнул он. Затем все погрузилось во тьму.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Амелия Грейстоун осторожно насыпала в мерную ложку белое порошкообразное вещество — бикарбонат натрия, если быть точной, или пищевую соду — и разровняла его тыльной стороной лезвия ножа. Она высыпала порошок в стакан с водой и размешала, с удовлетворением отметив, что жидкость слегка забурлила. Утренний эксперимент носил практический характер и был направлен на то, чтобы найти лучший способ очистки кирпичей от сажи. День за днем Амелия наблюдала, как горничная изо всех сил скребла кирпичи каминной в гостиной, чтобы удалить черные пятна гари с каминной кладки. Должен был быть более простой способ.

Сквозь высокие окна за ее длинным рабочим столом в помещение проникал ранний утренний свет.

Скромная лаборатория, которую она обустроила на чердаке, доставляла ей огромное удовольствие — и аккуратные ряды баночек разного размера, и медные весы, и воронка-фильтр, и фарфоровая ступка с набором пестиков.

В дальнем конце комнаты стоял высокий шкаф из орехового дерева, в котором хранились другие принадлежности. В противоположном конце находились полки со стеклянными сосудами, где хранились разнообразные жидкости и вещества, с которыми можно было проводить различные опыты.

Хотя Амелия отдавала себе отчет, что химия — необычное увлечение для женщины, она была обязана своей любовью к ней отцу, аптекарю, который работал в маленькой деревушке недалеко от Лондона. Од-

нако продажа тоников и микстур от простуды для широкой публики не входила в сферу интересов Амелии. Она предпочитала заниматься токсикологией, хотя химия в любом виде ее увлекала. Сосредоточенность, столь необходимая для проведения экспериментов, помогала ей не погружаться в мрачные мысли. Несмотря на то, что Амелии было всего двадцать девять лет, она испытала немало горя в жизни.

Она и ее муж Мэттью потеряли своего единственного ребенка Лили в нежном возрасте трех лет из-за скарлатины. Эта потеря три года назад едва не сломала Амелию и поставила под угрозу ее брак.

Мэттью стал предаваться излишествам — излишне много работал, пил, играл в карты, — в то время как Амелия слишком много времени проводила в постели, не в состоянии заняться чем-то полезным. Потребовались месяцы, чтобы выползти из раковины и начать жить заново. Несмотря на то, что они восстановили подобие дружбы, которая поспособствовала их сближению, их отношения больше не были нежны и по-настоящему глубоки после того, как из-за бремени общей утраты они потеряли друг друга.

Затем, почти год назад, Мэттью был убит. Его смерть стала для нее шоком, хотя она полагала, что справилась с этим лучше, чем с кончиной Лили. Его убийство так и осталось нераскрытым, что лишь усилило ее чувство тревоги, которое до сих пор ее преследовало.

Но жизнь требовала ее активного участия, вне зависимости от того, готова она была к этому или нет. Лучшим способом справиться с ситуацией, который